

Семенова Е. В. Созидатель Новороссии [Электронный ресурс] // Русский дом. 2017. № 5. С. 14–15. URL: <http://www.russdom.ru/node/10203>. (дата обращения: 12.01.2020).

Семенова Е. В. Созидатель. К портрету Светлейшего князя М. С. Воронцова Ч. 3. (к 160-летию памяти) [Электронный ресурс] // Военное обозрение. URL: <https://topwar.ru/104585-ev-semenova-sozidatel-k-portretu-svetleyshego-knyazy-m-s-voroncova-ch-3-k-160-letiyu-ramyati.html> (дата обращения: 12.02.2020).

Фабрика Бутенопов // Москва : энциклопедия / гл. ред. С. О. Шмидт; сост.: М. И. Андреев, В. М. Карев. М. : Большая российская энциклопедия, 1997. С. 149.

Шевченко О. А. Школа сельского хозяйства в Чугуевском военном поселении [Электронный ресурс] // URL: <https://repin.in.ua/ru/articles/shkola-selskogo-hozyaystva-v-chuguevskom-voennom-poselenii> (дата обращения: 24.01.2020).

Ясман З. Д. Заведение братьев Бутеноп и помещичье хозяйство первой половины XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966. Таллин : [б.и.], 1971. С. 398–409.

УДК 94(470.5).084.1/.084.3:329

М. И. Люхуздаев

СУДЬБА УРАЛЬСКИХ ЛЕВОЭСЕРОВСКИХ АКТИВИСТОВ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ БИОГРАФИЙ М. И. ЗАЙДА И М. Х. ПОЛЯКОВА)

В статье рассмотрена партийная деятельность членов обкома левых эсеров Урала М. И. Зайда и М. Х. Полякова, показана их роль в работе региональной эсеровской организации. Сделана попытка выявить причины их вступления в большевистскую партию после июля 1918 г. и проследить перспективу их дальнейшего карьерного роста как госслужащих. Автором показана система партийных чисток в РКП (б) как элемент механизма репрессий по отношению к бывшим левым эсерам, стремившимся остаться на государственной службе.

Ключевые слова: история политических партий, партия левых социалистов-революционеров, Гражданская война в России, репрессии, государственная служба, революция, межпартийная борьба, Урал, М. И. Зайд, М. Х. Поляков.

Исследование деятельности политически активной части общества в условиях чрезвычайных обстоятельств помогает выявить ценностные ориентации ее представителей, их жизненные стратегии в меняющейся обстановке. Реконструкция восприятия событий члена-

ми определенной социальной группы позволяет выяснить мотивацию их действий в период, когда приходилось кардинально менять свою точку зрения. Изучение таких поведенческих практик помогает выработке ценностных установок, позволяющих обеспечить стабильное развитие в современных условиях. Материалы биографий уральских членов партии левых социалистов-революционеров (ПЛСР), являвшейся элементом российской политической системы в 1917–1918 гг., помогают определить их реакцию на важнейшие события, происходившие в стране. Если политической биографии М. Х. Полякова было уделено внимание в исследованиях историков, то фигура его соратника по левозеровскому обкому М. И. Зайда, за исключением отдельных упоминаний, оставалась нерассмотренной [см.: Абрамовский, Кобзов]. В данной работе сделана попытка на примере партийной деятельности Зайда и Полякова рассмотреть их роль в эсеровской организации на Урале, выявить причины их перехода в РКП (б) после июля 1918 г. и проследить перспективу их дальнейшего карьерного роста на государственной службе.

Уроженец г. Старокопачево Винницкой области М. И. Зайд (1892–1938) с 1902 по 1906 гг. обучался в Житомирской гимназии, а затем в Ларинской гимназии в Санкт-Петербурге, куда он переехал с родителями. В 1908 г. он вошел в состав Василеостровской организации ПСР, а через год его исключили из гимназии за участие в эсеровской работе (хранение и распространение нелегальной литературы). Тем не менее, Зайд окончил гимназию, сдав экзамены экстерном в 1910 г., а затем поступил на экономическое отделение Киевского коммерческого института [см.: ГАРФ, ф. 10035, оп. 1, д. п-36658, л. 13]. Навещая во время летних каникул родителей, переехавших в Екатеринбург и общавшихся с семьей купца Х. П. Полякова, он познакомился в 1912 г. с его сыном, известным на Урале эсером. Хотя во время учебы в институте Зайд не занимался эсеровской работой, он обратился за партийным поручением к сыну Полякова, но не получил от него задания [Там же, л. 14].

М. Х. Поляков (1884–1938) происходил из еврейской купеческой семьи, переехавшей из Киева в Екатеринбург. После успешного окончания в 1903 г. Екатеринбургской гимназии, стремясь к активному участию в политической жизни, он поступил в Томский технологический институт. Однако в Томске Поляков не нашел единомышленников среди студенчества и в 1904 г. переехал для учебы на медицинском факультете Казанского университета, став тогда же членом эсеровской партии [см.: ГАРФ, ф. 10035, оп. 1, д. п-65232, л. 6 об.]. Он участвовал в студенческих сходках и собраниях, а после прекращения занятий в университете из-за всеобщей студенче-

ской забастовки выехал в Екатеринбург. В дальнейшем он вел партийную работу в Екатеринбурге, Казани, Вятской губернии. Уехав из Екатеринбурга в декабре 1905 г., Поляков агитировал среди крестьян и рабочих Вятской губернии, участвуя в создании в этом регионе отделения Всероссийского крестьянского союза. Арестованный в Вятке, он отрицал свое участие в эсеровской пропаганде на допросе в марте 1906 г., не признав вины [см.: Абрамовский, Кобзов, с. 149].

К моменту вынесения постановления суда в мае 1907 г. Поляков провел в заключении в Вятке почти год. После многократных обращений его отца в Казанскую судебную палату в августе Полякова перевели в Екатеринбургскую тюрьму. Приговор о трехлетней ссылке на поселение ему заменили двумя годами заключения в местной тюрьме. Отбывая наказание, Поляков познакомился в тюрьме с Я. М. Свердловым, неоднократно влиявшим в дальнейшем на его судьбу [Там же, с. 152]. Выйдя из тюрьмы в 1910 г. и не имея возможности продолжить учебу, Поляков зарабатывал на жизнь частными уроками, одновременно восстанавливая старые партийные связи. Повторно его арестовали 1 июля 1914 г. на сходке учителей, перед которыми выступил прибывший в Екатеринбург депутат IV Государственной Думы А. Ф. Керенский [см.: ГАРФ, ф. 10035, оп. 1, д. п-65232, л. 236]. Хотя Полякова освободили 30 сентября, в феврале 1915 г. его выслали под административный надзор в Чердынский уезд Пермской губернии. По окончании срока ссылки он переехал в Москву, где поступил на службу во Всероссийское бюро при союзе земств и городов. Проработав секретарем в бюро труда, Поляков получил аналогичную должность в конторе уполномоченного по заготовкам хлеба в Челябинске [см.: Абрамовский, Кобзов, с. 153].

После окончания учебы в Киевском коммерческом институте в 1916 г. Зайда призвали в пехотный запасный полк Новгорода, но в декабре он заболел и на три месяца уехал в Екатеринбург к родителям, где его застала Февральская революция. В начале марта он выехал к сестре в Петроград, где вступил в эсеровскую организацию Рождественского района, руководимую будущими членами ЦК ПЛСРМ. А. Натансоном и Б. Д. Камковым [см.: ГАРФ, ф. 10035, оп. 1, д. п-36658, л. 15]. После обращения Зайда к воинскому начальнику, руководившему военно-мобилизационной и учетно-призывной работой, его направили во Владимирское военное училище, в котором он учился до сентября, а затем получил назначение в Екатеринбург.

Вступив в Екатеринбург в эсеровскую организацию, Зайд помимо политической работы в роте активно проявлял себя в партийном горкоме. С осени он был членом президиума и секретарем Екатеринбургского Совета, секретарем исполкома Уральского

областного совета и членом исполнительного бюро городской военной организации эсеров, издававшей партийную газету «Наш путь». В октябре 1917 г. Зайд был избран от левых эсеров на II окружном съезде Советов в Уральский областной исполком, а в ноябре вошел в состав Екатеринбургского ревкома от совета ФЗК. В этом же месяце стал участником I Всероссийского съезда ПЛСР в Петрограде, на котором сообщил о положении дел в эсеровской организации Екатеринбурга и ее численности [см.: Партия левых социалистов-революционеров, с. 69]. Зайд поддержал протест М. П. Медведева, который критиковал президиум съезда за халатное отношение к левозеровским делегатам с мест, вынужденным подолгу ожидать выступление одного из партийных лидеров [Там же, с. 131].

Не менее активно проявил себя в этот период Поляков, который с 12 марта возглавил временный президиум городской организации эсеров в Челябинске. 28 марта он участвовал в работе I Всероссийского совещания Советов. К июлю он стал товарищем председателя исполкома уездного отделения Крестьянского союза, возглавил исполком уездного земельного комитета, был членом исполкома Челябинского Совета рабочих и солдатских депутатов [см.: Абрамовский, Кобзов, с. 154]. 23 сентября Полякова избрали председателем Челябинской городской Думы, а в ноябре он стал одним из двух избранных членов Учредительного собрания, пройдя в его состав по списку эсеровской партии от Оренбургской губернии. Поддержав переход власти в руки Советов, в декабре после раскола местной эсеровской организации он возглавил ее левое крыло.

На 1-й областной съезд левых эсеров Урала, прошедший под председательством Полякова, 11 января 1918 г. прибыло 20 делегатов от 18 организаций, охватывающих около 4 тыс. зарегистрированных членов ПЛСР [см.: Наш путь, 1918, 12 апр., с. 3]. В своем выступлении Поляков сообщил, что партийный раскол в Челябинске прошел безболезненно, поскольку правых эсеров в городе изначально было мало. По его словам, в городе влияние местной эсеровской организации, которая насчитывала 400–500 чел., было значительным. Все ответственные должности были заняты эсерами, а в Челябинской городской Думе их оказалось 56 чел. и большевики работали с ними в контакте. Местные железнодорожники вынесли резолюцию, что никто не может работать на железной дороге, кроме левых эсеров и большевиков, стимулируя этим заявлением вступление в эсеровскую партию [см.: Наш путь, 1918, 21 янв., с. 2–3].

Большинством голосов съезд постановил создать областной комитет левых эсеров Урала, который состоял из шести лиц и находился в Екатеринбурге. От эсеровской организации Екатеринбурга

в него входили Н. П. Горин, М. И. Зайд и В. И. Хотимский, от эсеров Надеждинска – Д. Е. Синявский, а также представитель эсеров Мотовилихи (возможно, Г. И. Плотников). Из-за недостатка работников в обком позднее кооптировали еще одного представителя из Надеждинска [см.: Наш путь, 1918, 12 апр., с. 4]. Хотя обком сообщил, что из Вятки, Уфы и Челябинска левые эсеры своих представителей не прислали, в его составе оказались М. Х. Поляков и, возможно, С. Н. Стрижов [см.: ГАРФ, ф. 10035, оп. 1, д. п-36658, л. 20; Наш путь, 1918, 22 мая, с. 4].

Занимая конформистскую позицию по отношению к большевикам, но подчиняясь партийной дисциплине, Зайд и Поляков, вероятно, поддержали резолюцию 2-го областного съезда левых эсеров Урала 10 марта. В ней делегаты заявили ЦК о необходимости немедленно созыва комиссаров тех Советов, которые начнут исполнять требования, выставленные Германией и подписанные русской делегацией. По мнению делегатов съезда, на который прибыли 24 представителя от 20 организаций, исполнение условий Брестского договора вело к поражению советской власти трудового народа и России, к потере завоеваний русской революции [см.: Наш путь, 1918, 15 марта, с. 3].

Совмещавший партийную работу с регулярным участием в заседаниях исполкома Екатеринбургского Совета, 12 апреля Зайд был избран в нем товарищем председателя. Одновременно он продолжал работать в следственной комиссии революционного трибунала, в которой был задействован с октября 1917 г. Так, заместитель председателя ревтрибунала Зайд подписал 7 марта приговор начальнику 1-й части милиции Екатеринбурга С. Н. Рихтерману, который обвинялся в организации преступной группы и злоупотреблении служебным положением для вымогательства взяток у купцов и торговцев за возврат конфискованных товаров. Рихтерману вынесли общественное порицание, обязали его выплатить штраф 5 тыс. рублей, запретили занимать должности общественного характера и заставили покинуть территорию Уральской области [см.: ГАСО, ф. р-1204, оп. 1, д. 9, л. 18].

Не без участия Зайда было прекращено дело члена Екатеринбургской продовольственной управы, председателя комитета эвакуированных с фронта, левого эсера Я. Н. Панова, которое ревтрибунал закрыл ввиду отсутствия документальных доказательств и затруднений со свидетелями. Панова задержали 17 марта по обвинению в антисоветской и антибольшевистской агитации, якобы проводимой на общих собраниях местной организации эвакуированных. Ревтрибунал учел, что секретарь исполкома Екатеринбургского Совета Зайд по предварительному

ходатайству Панова, не видя причин для запрета собрания эвакуированных для обсуждения организационных вопросов, разрешил его с комментарием: «Со стороны исполнительного комитета препятствий к устройству собрания не встречается» [ГАСО, ф. р-1204, оп. 1, д. 26, л. 7 об., 11 об.].

Возглавивший с марта областной комиссариат юстиции Урала, Поляков также совмещал свои обязанности наркома с партработой, в частности, приняв в апреле 1918 г. почти одновременно участие во II общепартийном съезде левых эсеров и I Всероссийском съезде областных и губернских комиссаров юстиции. По сообщениям представителей от Пермской и Уфимской губерний на Всероссийском съезде ПЛСР, в это время их левоэсеровские организации насчитывали соответственно 6 250 и 3 400 человек. По словам Полякова, в Оренбургской губернии левых эсеров было около 1 000 человек [см.: Партия левых социалистов-революционеров, с. 674]. Указывая на упущенную левыми эсерами победу при выборах губернского исполкома в Перми в апреле, Синявский заявил на общепартийном съезде, что представителям ПЛСР на Урале требовались более интенсивная агитация, «борьба на местах и во всех областях», чтобы областной съезд Советов прошел под левоэсеровским влиянием [Там же, с. 374].

Учитывая рост численности представителей ПЛСР на уездных и губернских съездах, для их объединения левоэсеровский обком решил сделать газету «Наш путь» ежедневной, расширить издательскую деятельность, открыть в Екатеринбурге партийный книжный склад, создать кадры разъездных инструкторов и агитаторов, организовать районные бюро левых эсеров [см.: Наш путь, 1918, 26 апр., с. 4]. Рассчитывая на успех на предстоящем областном съезде Советов, в мае партийный обком повторно заявил об одобрении выхода левых эсеров из Совнаркома из-за ратификации условий Брестского договора, опубликовав в газете «Наш путь» аналогичные резолюции Московской левоэсеровской конференции и Ярославского губернского съезда ПЛСР [см.: Наш путь, 1918, 1 мая, с. 4].

По стечению обстоятельств Поляков и Зайд отсутствовали на 3-м областном съезде левых эсеров в Екатеринбурге с 21 по 26 мая 1918 г., на который прибыл 71 представитель от 53 организаций. Поляков с 21 по 27 мая находился в Омске на I съезде комиссаров юстиции Сибири, Урала и Туркестана, а Зайда в середине мая обком ПЛСР командировал в Москву по партийным делам [см.: ГАСО, ф. р-62, оп. 2, д. 11, л. 7–8 об.]. На Урале в этот период насчитывалось около 300 организаций, объединявших от 15 до 18 тыс. чел. Делегаты областного партийного съезда, прошедшего под председательством Горина, в резолюции по текущему моменту назвали неотложной задачей изменение внеш-

ней и внутренней политики, что противоречило большевистскому курсу [см.: Известия Уральского областного Совета, 1 июня, с. 3; Наш путь, 24 мая, с. 3].

На съезде в Омске Поляков подчеркнул, что недавно созданный областной центр занимался в основном устройством хозяйственной жизни Урала, поэтому областной комиссариат юстиции не мог с должным вниманием отнестись к сфере суда и лишь начал работу в этом направлении [см.: ГАСО, ф. р-2601, оп. 1, д. 395, л. 151]. По его мнению, на местах этот процесс тормозила деятельность губернских комиссаров юстиции, которые по-своему трактовали автономию и работали вразрез с мнением центра, считаясь с ним лишь в случае потребности денег или вооруженной силы. Выступая сторонником централизации в этом вопросе, Поляков призвал съезд решить вопрос о налаживании связи центра с Советами.

Отстаивая самостоятельность исполкома Екатеринбургского Совета, Зайд 8 июня поддержал требование, выдвинутое областному Совету о проведении арестов и обысков у членов исполкома только по конкретным обвинениям и с обязательным оповещением его председателя. При этом члены исполкома настаивали на немедленном возвращении оружия, изъятого чекистами во время обысков у председателя исполкома уездного Совета, левого эсера В. И. Мухина, исполнявшего обязанности Зайда на время его командировки в Москву [см.: ГАСО, ф. р-62, оп. 2, д. 11, л. 21–22]. По решению исполкома Зайд (до утверждения Советом) временно возглавил с 17 июня наркомат юстиции Екатеринбургa [Там же, л. 19 об.]. 1 июля он вошел в состав комиссии по ознакомлению с делами центрального архива вещественных доказательств Екатеринбургского наркомата юстиции по уже законченным делам [Там же, л. 27–28]. Учитывая авторитет Зайда в исполкоме Екатеринбургского Совета, 25 июня его включили в комиссию по урегулированию отношений между этим органом, областным Советом, военкоматом и военно-полевым штабом [Там же, л. 25]. Из-за отъезда Полякова в первой половине июля на Всероссийский съезд Советов Зайд исполнял его обязанности в наркомате юстиции Урала. Возможно поэтому он попал вместе с Поляковым в список лиц, разыскиваемых следователем Н. А. Соколовым в 1919 г. по делу об убийстве Николая Романова и членов царской семьи [см.: Боевой восемнадцатый год, с. 561].

На V Всероссийском съезде Советов в делегатской анкете Поляков помимо возраста, образования, партийного стажа, сроков заключения и ссылки сообщил о двукратном превосходстве большевиков над левыми эсерами в составе Екатеринбургского Совета (260 против 130) [см.: ГАРФ, ф. 1235, оп. 1, д. 45, л. 124]. Если до событий 6 июля

в столице у него оставались иллюзии о возможном превосходстве левых эсеров в борьбе за влияние с большевиками, то после их неудачного выступления в Москве он не сомневался в том, какая партия останется руководить государством. По семейному преданию Поляковых, в момент ареста левоэсеровской фракции съезда председатель ВЦИК Свердлов вывел его из зала через кулисы, пообещав достать ему партбилет [см.: Абрамовский, Кобзов, с. 161]. Хотя фамилия Полякова отсутствовала в списке арестованных на съезде уральских левых эсеров, он утверждал, что был задержан вместе с левоэсеровской фракцией съезда после убийства Мирбаха [см.: ГАРФ, ф. 10035, оп. 1, д. п-65232, л. 175].

Для выяснения отношения к левоэсеровскому выступлению в Москве большевики вызвали членов обкома ПЛСР Зайда и Синявского 9 июля на заседание Уральского областного Совета. Защищая местных левых эсеров от нападок большевиков, Хотимский заявил на нем, что поскольку мотивы и обстановка выступления представителей ПЛСР в Москве неизвестны, они не могут говорить о своем отношении к нему. При этом один из членов обкома левых эсеров пояснил, что выступление в Москве было направлено не против Советов, а против большевиков. В знак протеста против решения обкома РКП (б) об удалении с постов левых эсеров, разделяющих точку зрения ЦК, Зайд вместе с Синявским отказался от голосования за большевистскую резолюцию по текущему моменту, которую одобрили 14 голосами при 5 воздержавшихся [см.: Известия Уральского областного Совета, 1918, 11 июля, с. 3].

12 июля при обсуждении вопроса об удалении из исполкома Екатеринбургского Совета левых эсеров члены левоэсеровской фракции заявили, что не оставят постов хаотично, чтобы не возникло опасений за дезорганизацию работы его отделов [см.: ГАСО, ф. р-62, оп. 2, д. 11, л. 33]. Поскольку это было лишь делом времени, Зайду, командированному обкомом ПЛСР в конце июля в Москву для выяснения причин и обстоятельств левоэсеровского выступления, уже не требовалось разрешение исполкома на отъезд. Проверив информацию в столице о характере выступления левых эсеров, он сообщил ее в обком, вызвав неоднозначную реакцию соратников и подтолкнув некоторых из них к выходу из партии [см.: ГАРФ, ф. 10035, оп. 1, д. п-36658, л. 16 об.]. Очевидно, что в регионе на переход части левых эсеров в большевистскую партию повлияли не только июльские события в Москве, но и их последствия, выразившиеся в негативном отношении на местах к членам ПЛСР. Президиум Уральского областного Совета в постановлении 13 августа заявил об исключении из состава левых эсеров, поскольку они «не

выявили своего отношения к левозеро-активистскому мятежу и резолюции V Всероссийского съезда советов». Было отмечено, что «левые эсеры продолжают дезорганизационную работу, агитируя против создания Красной Армии и продовольственной политики советской власти» [ГАСО, ф. р-2601, оп. 1, д. 355, л. 188].

После эвакуации в августе из Екатеринбурга в Пермь Поляков вместе с членами партийного обкома Хотимским и Синявским участвовал в нескольких собраниях по вопросу о дальнейшем существовании левозеро-активистской организации. Считая, что в сложившейся ситуации надо выйти из ПЛСР и вступить в РКП (б), на этих собраниях они противостояли группе сторонников ЦК левых эсеров, возглавляемой Н. И. Мелковым и Н. А. Новиковым [см.: ГАПК, оп. 1, д. 217, л. 8 об.]. Пробыв два месяца в составе партии революционного коммунизма, Поляков вышел из нее, а в ноябре был принят Рогожско-Симоновским райкомом Москвы и утвержден ЦК членом РКП (б) [см.: ГАРФ, ф. 10035, оп. 1, д. п-65232, л. 175].

По решению оргбюро ЦК РКП (б), 24 января 1919 г. Полякова отправили в составе группы работников на укрепление Оренбургского парткома. В феврале он стал заместителем председателя губернского исполкома, пробыв в осажденном казачьими частями А. И. Дутова Оренбурге весь период его обороны. В августе он возглавил Челябинский уездный ревком, который с 30 сентября стал губернским. В декабре 1919 г. Полякова избрали членом президиума губкома РКП (б), а после отзыва Хотимского в распоряжение Сибирского ревкома он стал товарищем председателя губкома. В мае 1920 г. на I губернском съезде Советов в Челябинске вместо ревкома был избран губисполком, который возглавил Поляков [см.: Абрамовский, Кобзов, с. 162–164].

Оставаясь по своим взглядам сторонником ПЛСР, Зайд позднее Полякова пришел к мысли о выходе из ее состава и вступлении в РКП (б). Прожив три месяца в Москве, в декабре он уехал в Киев для продолжения левозеро-активистской работы в подполье, поскольку город был захвачен войсками С. В. Петлюры. В конце января 1919 г. он вышел на контакт с местными левыми эсерами, с которыми впоследствии работал [см.: ГАРФ, ф. 10035, оп. 1, д. п-36658, л. 16 об.]. После захвата Киева войсками Красной армии в начале февраля 1919 г. Зайд был назначен комиссаром, курирующим вопросы продовольствия, а затем А. Г. Шлихтер оставил его работать управляющим делами хлебофуражного управления в Наркомпроде Украины. Массовые аресты левозеро-активистов в феврале, о которых сообщалось в официальной прессе, наверняка стали одним из факторов, убедивших Зайда в правильности выбора, сделанного Поляковым [см.: Известия ВЦИК, 13 февр., с. 1; 22 февр., с. 24; 25 февр., с. 3]. Летом

1919 г. он подал заявление о выходе из ПЛСР, а в августе вместе с ответственными работниками эвакуировался из Киева в Москву.

Направленный для работы на Урал, в октябре 1919 г. Зайд был назначен на должность управляющего делами в Екатеринбургском губернском продовольственном комитете. В ноябре его призвали в резерв комсостава РККА, а в конце января 1920 г. в штабе III армии он выдержал испытания на должность командира батальона, получив назначение в Иркутск. Однако в Омске его демобилизовал заместитель председателя Сибирского ревкома М. И. Фрумкин, оставив для работы в Сибпродкоме, а в мае Зайд вступил в РКП (б) [см.: ГАРФ, ф. 10035, оп. 1, д. п-36658, л. 17]. В июне по распределению Наркомпрода РСФСР он был отправлен в Ташкент для работы в составе Туркестанского Наркомпрода. После возвращения Зайда в декабре в Москву его направили на Урал, где он проработал до лета 1921 г., занимаясь вопросами продовольствия, а затем командировали в Харьков для работы в Наркомпроде Украины.

Возглавив Челябинский губисполком, Поляков взял на себя ответственность, в том числе, за действия продотрядов в губернии, выполнявших разнарядку на продовольствие из Москвы и спровоцировавших своими действиями небывалый голод в регионе в 1921–1922 гг. Знакомый с местными условиями, Поляков понимал опасность выполнения чересчур завышенных требований о сборе продовольствия. Не сумев этому помешать, он выразил протест против продразверстки в губернии в секретном письме В. И. Ленину, но ситуацию это не изменило. ЦК РКП (б) отозвал Полякова из Челябинска 3 января 1921 г., назначив его председателем Крымского ревкома, а на I Всекрымском Учредительном съезде Советов в ноябре он был избран заместителем председателя СНК Крымской АССР и наркомом внутренних дел [см.: Абрамовский, Кобзов, с. 165–166]. В 1922–1924 гг. Поляков сменил ряд должностей, побывав членом коллегии НКВД, главой Юго-Восточного Экономического совещания, членом правления Маслоцентра, членом президиума Госплана РСФСР, заместителем наркомов финансов и коммунального хозяйства РСФСР. Выезжая по долгу службы в заграничные командировки, он посетил Лондон, Париж, Берлин, Стокгольм, Копенгаген, Брюссель. Став главным арбитром при Совнарком РСФСР в 1934 г., Поляков оставался на этой должности до момента своего ареста [см.: ГАРФ, ф. 10035, оп. 1, д. п-65232, л. 176].

Оказавшись по направлению Наркомвнешторга на Дальнем Востоке и работая во внешней торговле, Зайд с 1923 г. по август 1926 г. был представителем «Дальгосторга» в Китае, Японии и США. В конце 1927 г. его назначили на должность директора распорядителя Лесгос-

торга, а через год Зайд стал инспектором по экспорту Наркомторга СССР. В 1929 г. во время партийной чистки в Наркомторге Зайда исключили из большевистской партии как бывшего левого эсера, но после его апелляции в Московскую контрольную комиссию (МКК) РКП (б) восстановили в ней [см.: ГАРФ, ф. 10035, оп. 1, д. п-36658, л. 18]. С апреля 1930 г. он заведовал плановым отделом в «Сахалинском акционерном обществе», затем стал членом его правления, а после закрытия организации в 1931 г. работал в Москве. С декабря 1931 г. по апрель 1932 г. он был членом президиума МСНХ, а после его расформирования оказался в управлении легкой промышленности Московской области, где проработал до 1934 г. одним из заместителей начальника управления. В результате партийной чистки в 1934 г. Зайда вновь исключили из партии и восстановили в ней после его апелляции в МКК. Примечательно, что в апреле этого года Зайда сняли с учета номенклатурных работников [см.: ГАРФ, ф. 10035, оп. 1, д. п-36658, л. 74]. Редко встречаясь с Поляковым в Москве, Зайд лишь однажды обратился к нему за справкой в начале 1936 г., когда для проверочной комиссии Бауманского райкома ему понадобилось подтверждение, что он не вел эсеровской работы с 1911 г.

После восстановления в партии Зайда назначили на должность заместителя управляющего в Вагонотресте, где он проработал до начала сентября 1937 г., когда внезапно был уволен. В это же время по решению Бауманского бюро райкома партии его исключили из ВКП (б). Поданная им апелляция в комиссию партийного контроля по Московской области оставалась на рассмотрении. На момент ареста 28 января 1938 г. Зайд работал приемщиком лесного склада Ольховской мебельной фабрики. Его обвинили в подготовке терактов в отношении руководителей ВКП (б) и советского правительства. Исключенный из ВКП (б) 26 ноября 1937 г. Поляков при поддержке влиятельных знакомых 24 января 1938 г. добился решения партийной комиссии о своем восстановлении в партии. Однако его также арестовали в феврале 1938 г. по обвинению в участии в левозеровской террористической организации. Материалы дел Зайда и Полякова приобщили к делу якобы вскрытой и ликвидированной 4 отделом УГБ УНКВД по Московской области «контрреволюционной террористической эсеровской организации». Поскольку следствие велось с активным применением незаконных методов дознания, быстро полученные признательные показания Зайда и Полякова стали важным аргументом в пользу их виновности. Военная коллегия Верховного суда СССР на заседании 9 мая признала их виновными в совершении преступлений по нескольким пунктам 58-й статьи УК РСФСР, осудила и приговорила к высшей мере наказания. Приговор был приведен в исполнение в тот

же день. Полякова реабилитировали в 1956 г. (по другим сведениям – в январе 1958 г.), а Зайда – в июле 1957 г.

Играя весомую роль в работе левозеро-серовского обкома на Урале в 1918 г., Зайд и Поляков выступали его представителями на общероссийских и региональных партийных съездах, выполняли системообразующие партийные функции, стремясь связать ЦК ПЛСР с разрозненными региональными парторганизациями. Выполняя ответственную работу в советских организациях, но проявляя конформизм по отношению к большевистской политике, они вступили в РКП (б) после июльских событий 1918 г. и адаптировались к изменившимся условиям, сделав успешную карьеру в системе государственной службы. Фактором, благоприятствующим переходу Полякова в РКП (б) и его дальнейшему карьерному росту, помимо солидного стажа революционера и активного сотрудничества с большевиками в Уральском областном Совете, стало содействие влиятельных покровителей (Свердлова и других). На Зайда, позднее Полякова вступившего в РКП (б), вероятно, повлияли массовые аресты левозеро-серовских активистов в первой половине 1919 г., убедившие его в бесперспективности дальнейшей борьбы с большевиками. Условием сохранения безопасности для Полякова и Зайда стали не только занимаемые должности, но и обязательное членство в большевистской партии, в которую после своего исключения им удавалось вернуться. Вынужденные после вступления в РКП (б) действовать в определенных этой партией рамках, Поляков и Зайд оставались при этом заложниками своего политического прошлого. Если партийные чистки, в ходе которых регулярно напоминали об эсеровском прошлом, дискредитировали Зайда и Полякова как номенклатурных работников, дестабилизируя положение, то арест по ложному обвинению в участии в «террористической эсеровской организации» полностью перечеркнул их судьбу.

Абрамовский А. П., Кобзов В. С. Взлет и трагедия Михаила Полякова, или следственное дело № 962916 // Челябинск неизвестный: краеведч. сб. Вып. 3 / сост. В. С. Боже. Челябинск : [б. и.], 2002.

Боевой восемнадцатый год : сб. док. и воспоминаний / под ред. Я. В. Леонтьева. М. : Русская книга, 2018.

Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. р-732. Коллекция документов и воспоминаний о революции 1905 года, Февральской революции и Гражданской войне).

Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10035. Управление КГБ СССР по г. Москве и Московской области.

ГАРФ. Ф. р-1235. Всероссийский исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ВЦИК).

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. р-1204. Екатеринбургская следственная комиссия Революционного трибунала Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов. (1917–1918 г.).

ГАСО. Ф. р-62. Екатеринбургский Совет рабочих и солдатских депутатов.

ГАСО. Ф. р-2601. Коллекция документов по истории рабочего и революционного движения и установления Советской власти на Урале.

Известия ВЦИК. 1919.

Известия Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918.

Наш путь (Екатеринбург). 1918.

Партия левых социалистов-революционеров : док. и материалы. 1917–1925. В 3-х тт. Т. 1. Июль 1917 г. – май 1918 г. М. : РОССПЭН, 2000.

УДК 94(470.55).084.6:323.28

Р. Ш. Хакимов

ТЕХНОЛОГИЯ РАСКРУЧИВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В СССР В НИЗОВОМ ЗВЕНЕ УПРАВЛЕНИЯ (ст. КРОПАЧЕВО, 1937 г.)

В статье исследована технология раскручивания политических репрессий 1937 г. на примере железнодорожной станции Кропачево. Выявлены механизм организации репрессий, его особенности. Отмечена последовательность и организованный характер, а также тесное взаимодействие партийных органов и органов НКВД в выполнении указаний центра. Все это показано на конкретных примерах, на судьбах отдельных людей.

Ключевые слова: политические репрессии, сталинизм, ЮУЖД, московские процессы, ст. Кропачево, ВКП (б), первичные парторганизации, партсобрание, НКВД.

Тема политических репрессий 1930-х гг. в СССР сохраняет свою актуальность и продолжает привлекать внимание исследователей. Историографическое освоение этого массива началось в 1990-х гг. и продолжается по настоящее время. Как отмечено исследователями, библиография литературы о советском обществе и о проблеме репрессий насчитывает тысячи наименований [см.: Кириллов, с. 243].

Обстановку периода «Большого террора» необходимо рассматривать с разных точек зрения и с разных позиций. И в этом плане представляет интерес исследование реакции на происходившие в стране события на примере низовой структуры – трудового коллектива предприятия, первичной партийной организации в контексте действовавшей тогда технологии раскручивания политических репрессий. До сего времени эта тема остается во многом неизучен-